

Не надо бояться жить, или Неожиданный Лихачев

СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО ФИЛОЛОГА, АКАДЕМИКА ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА ИСПОЛНЯЕТСЯ 100 ЛЕТ

ДАТА

Алексей САМОЙЛОВ

ПРИШЛА ПОРА СОБИРАТЬ КНИГУ О НЕИЗВЕСТНОМ ЛИХАЧЕВЕ.

Одной из глав этой необходимой книги может стать история о поездке в Комарово 24 июля 1995 года. Нас, Николая Крыщука и автора этих строк, привела к академику тема... игры. Шире — игр исчезающих, вчерашних и сегодняшних, игр в поведении и в сознании. Лихачев, исследователь смеховой культуры Древней Руси, охотно согласился поискать с нами ответ на старый как мир вопрос: как под грузом лет сохранить потребность в игре и способность ей время от времени полностью отдаваться.

Сегодня — в дни академических торжеств — самое время вспомнить, что Лихачев был неожиданным, непредсказуемым и разным. Любопытным, веселым, любящим смеяться. Не переставший удивляться чуду жизни. «Человек не устаёт расти», — написал как-то Виктор Шкловский. Дмитрий Сергеевич вспоминал с нами начальные годы прошлого века, расположившись в кресле-качалке лицом к соснам...

А ведь многие живут так, словно находятся в прихожей и им еще куда-то предстоит пройти

— Дмитрий Сергеевич, во что играли вы?

— В лапту, горелки, хэндбол (ручной мяч). Весной мы рано уезжали на дачу, ездили обычно в Куоккалу за финской границей, где дачи были относительно дешевы и где жила петербургская интеллигенция. В хорошую погоду почти не уходили с пляжа. Играли взрослые и дети. Даже рыбу ловили все вместе, дети, папа, мама, можете себе такое представить — ведь сейчас рыбалка превратилась для мужчин в отдых от семьи, а тогда была семейным отдыхом. Утром бегали на пляж слушать звон большого колокола Исаакиевского собора. На даче у Пуни катались на «гигантских шагах». Вечером сумерничали. Играли в слова, пели-сидели без огня: экономили керосин. В горелки. Назывались так потому, что начиналась с песни: «Гори, гори ясно, чтобы не погасло...» Мальчику надо было догнать девочку. Не по подворотням жались, знакомились в игре. Это была школа общения, школа поведения — кого-то нужно было похвалить, кому-то уступить...

Особенно весело, озорно проходили дни рождения и именины детей. В пиротехническом магазине под Думой на Невском взрослые заранее закупили китайские фонарики, фейерверки. Фонарики вешивали в саду, жгли фейерверк.

В тот магазин под Думой и террористы ходили.

— Была ли игра, в которую тогда на дачах играли все?

— Серсо. Знаете? Это когда бросают круги шпагами... А самая замечательная — крокет. Этой игрой полон девятнадцатый век. Она заполняла, очень серьезно, жизни. Для нее требовалось четное число участников. Крокет давал хорошую физическую нагрузку, для успеха требовалось быть ловким, хитрым и честным.

— В чем причина исчезновения всех этих игр? Не в том ли, что играющий народ сейчас не оторвать от телевизоров, компьютеров?

— Пожалуй, в гибели какой-то общественной жизни. Восемнадцатый, девятнадцатый, двадцатый — годы объявленного красного террора. А дома все-таки можно было отдохнуть, поиграть. Играли в пятачок, например. Надо было угадать, у кого под столом в руке находится пятачок... Я со своими детьми играл в пятачок и во время войны, в блокаду. Это внесило, знаете, элемент веселья и уступчивости...

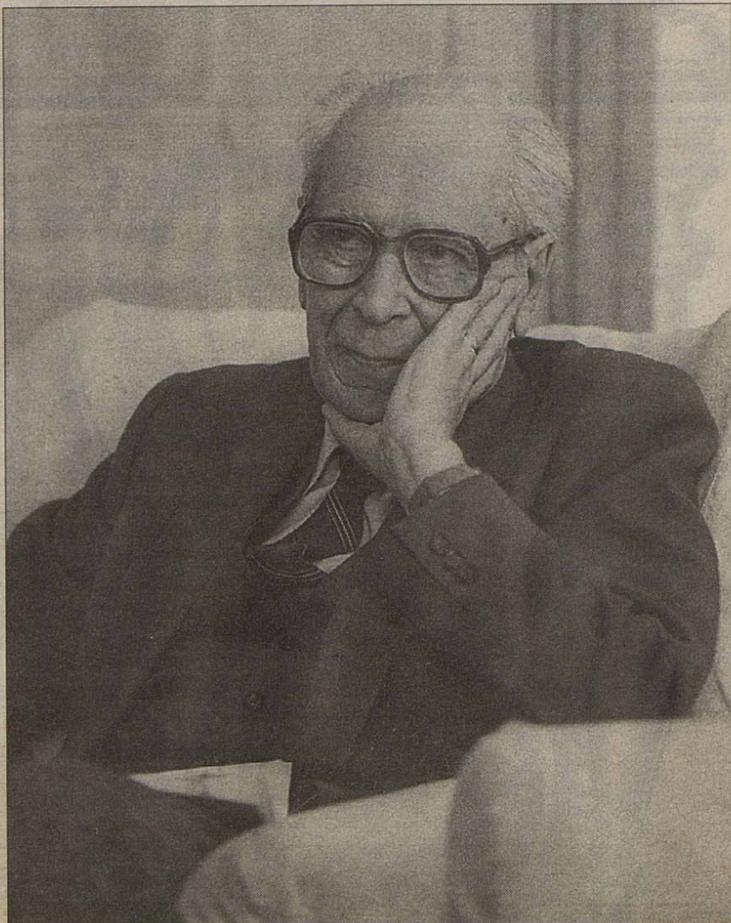
— Крокет для нас — из того же ряда, что клавиесин, менуэт, неживая игра, а история и литература. «Алиса в Стране чудес», Чеширский кот спрашивает девочку: «Ты играешь сегодня в крокет у Коро-

левы?», а Алиса отвечает: «Мне бы очень хотелось, но меня еще не приглашали... Но ведь игровым может быть и поведение?»

— Безусловно. Скажем, однажды Чуковскому нужно было похлопотать о приеме на работу знакомой девушки. Он поступил так: вошел

...и быть серьезным собеседником (с митрополитом Волоколамским и Юрьевским Питиримом)

Дмитрий Сергеевич Лихачев умел шутить «отменно, тонко и умно»...

в кабинет ученого секретаря Отделения языка и литературы Академии наук СССР, бухнулся на колени и — молчит. Выдержал паузу и изложил свое дело. Ясно, что его ходатайство нельзя было не удовлетворить. А «Чукоккала» с рисунками, стихами знаменитых русских художников, поэтов, композиторов, артистов? А праздники для детей с кострами в Переделкине? Корней Иванович играл естественно, как дышал, играл постоянно, но никогда не был скован своей ролью. Чуковский не боялся жить. А ведь многие живут так, словно находятся в прихожей и им еще куда-то предстоит пройти.

— А много ли вам встречалось людей, для которых игровое поведение было столь же естественным?

— Из игрового поведения вырос, скажем, Ремизов. В его Обезьяньей Великой и Вольной палате стояли Кузмин, Блок, Гржебин, Шкловский. Репин, реалист, покровительствовал авангардистам Пунину, Кульбину, Анненкову, Маяковскому. Воспринимал их как озорников, людей играющих. Он сам ведь что устроил в Пенатах, в своем саду, полном башенок, мостиков, лабиринтов, беседок?.. Там была, кажется, гора Парнас, а на вершине ее... уборная. Хозяину Пенат было интересно созорничать: наверху можно было сидеть и наблюдать, как гуси в пруду плавают...

С конца девятнадцатого века, может быть, с Толстого, даже раньше, со славянофилов, каждый писатель и общественный деятель придумывал себе свою одежду. Ведь это же маскарад. Это маскарадное начало очень сильно выражено у Ахматовой. Горький создавал себе одежду. Леонид Андреев, Саша Черный одевались по-своему...

— А Кузмин, а Клюев, а Маяковский, а Блок...

— Да, конечно. Единственный человек, который не стремился создать свою одежду, сказал я как-то Бялому, был Чехов. «Как же, — запротестовал он, — Чехов одевался как доктор». И действительно, у меня есть визитная карточка Антона Павловича, снимок с нее, и там написано: «Чехов, доктор». И больше ничего.

— А в вашей профессии — филолога, культуролога, литературоведа — какое место занимает игра? — В литературоведении много идет от игры. Озорных концепций очень много. Это особенно присуще Тартуской школе, Лотману. Его озорная концепция древнерусской литературы позволила выяснить настоящее значение чести и славы

в Древней Руси. Можно было от чего-то оттолкнуться, понимаете?.. То же самое «Прогулки с Пушкиным» Абрама Терца-Андрея Сивянского. Это же игра. Терц-Сивянский разозлил людей, лишенных чувства юмора.

— Но ведь ежину комаровскому ясно, как открывать дверь в эту книжечку, очищающую иронией «наше всё» от елеш пошлых словословий.

— Ежу, может, и ясно, а вот людям звериной серьезности, обвинившим автора в осквернении национальных святынь, нет.

— У одних народов игровое начало ярко выражено, у других ослаблено? Мы, россияне, какие?

— Андрей Битов правильно сказал про нашу ужасно серьезную страну. Но она не всегда была такой. Игровое начало у нас, как у народа, было, но уничтожалось революцией. Порча пошла с четырнадцатого года, когда началась подготовка к войне. Большевики пришли с очень серьезными лицами. Всякая шутка возбуждала подозрение. В моей молодости в Ленинграде у нас была Космическая академия наук — шуточные, веселые науки, доклады на парадоксальные темы. Я, скажем, поставил доклад о возвращении старой русской орфографии, но не успел его прочесть, нас арестовали 8 февраля 1928 года, несколько месяцев держали в тюрьме, потом отправили на Соловки, в лагерь.

Теперь о народах игрового склада... Я как-то разговаривал в одном лондонском клубе с сэром Исаяей Берлиным, другом Ахматовой. Мы разговаривали с ним о евреях — он сам еврей и английский сэр, об одесситах и одесской культуре. Берлин высказал мысль, что одесская культура — средиземноморская культура. Она располагала к уличной жизни с многочисленными кафе, к общению, к легкости знакомства... У северных народов знакомство, особенно у мужчины с дамой, очень затруднено. А в Одессе все это много легче: средиземноморская культура. Берлин говорил, что живущие в Скандинавии евреи не понимают одесситов, для них южане совсем другой народ. Это черта климата, южный климат располагает к игре, легкости, общительности — так, как располагает дачная жизнь... Нет народов более игровых, менее игровых. Есть климат игровой.

Петербург сейчас мрачный город. И мы мрачные и очень серьезные. Нас такими семьдесят прошедших лет воспитали, идея мировой революции и всякие глупости, которыми были заполнены наши головы.

— Осталось узнать про начатую вами работу...

— Я не могу сейчас начинать больших работ. Потому что не знаю, успею ли их закончить. Поэтому пишу маленькие. Моя новая маленькая работа, которой я придаю большое значение, — Декларация прав культуры.

Выходим на крыльцо. О, эта старинная учтивость, исчезнувшая раньше крокета и серсо: академик провожает нас к дороге на станцию. Прощаемся. Его улыбка, улыбка не боящегося жить, необходимого для Петербурга, России, мировой культуры человека, вполне по Кэрроллу, еще долго парит в солднем прогретом воздухе Комарова...

30.11.06

Лихачев Дмитрий

4